

Михаил Спартакович Тейкин
Северо-Восточный государственный университет
г. Магадан, Российская Федерация
teikin-ms@mail.ru

Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы

Аннотация

В статье разбирается вопрос проприальности этнонимов, представляются различные взгляды на статус этнонимов, их принадлежность или непринадлежность к ономастике. Излагаются три научных взгляда на этнонимы: этнонимы – имена нарицательные; этнонимы – имена собственные; этнонимы находятся на стыке между именами собственными и нарицательными. Анализируются доводы разных учёных о данном виде онимов и их месте в ономастике. На основе исследованных данных автор приходит к выводу, что наиболее правильным будет относить этнонимы во множественном числе, когда они обозначают целые народы, к собственному имени. Между тем при определении национальной принадлежности индивида можно говорить только об этнониме – имени нарицательном, однако в некоторых контекстах и в единственном числе этноним может иметь в себе значение имени собственного. Вопрос о проприальности этнонимов рассматривается в том числе с точки зрения устоявшейся традиции в русском языке записывать их со строчной буквы. Делается вывод о несостоятельности аргумента о принадлежности этнонимов к апеллятивам лишь на орфографическом основании. Указаны дополнительные возможности передачи различных смыслов в языке, придерживающемся написания этнонимов с заглавной буквы. При этом подчёркивается важность закрепившейся в русском языке традиции написания этнонимов со строчной буквы и на примерах показывается, что для тех случаев, когда язык, различающий этноним от неэтнонима посредством лишь заглавной буквы, использует имеющееся в его распоряжении орфографическое средство, русский язык может прибегнуть к словообразованию или замене, чтобы чётко отграничить этноним от любого иного существительного.

Ключевые слова: этноним, имя собственное, имя нарицательное, единственное и множественное число, заглавная и строчная буквы

© Тейкин М. С. 2023

Для цитирования: Тейкин М. С. Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 126–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_126

Mikhail S. Teikin
North-Eastern State University
Magadan, Russian Federation
teikin-ms@mail.ru

The propriality of ethnonyms and the problem of their capitalisation

Abstract

This article aims to discuss the problem of ethnonyms' propriality and to represent different views concerning ethnonyms' status and their belonging or non-belonging to the field of onomastics. Three opinions on ethnonyms are considered: ethnonyms as common names, ethnonyms as proper names and ethnonyms as a phenomenon

bordering proper and common names. The analysis is based on different scientists' arguments concerning this kind of onyms and their place in onomastics. The data analysis enables to conclude that ethnonyms in plural denoting entire peoples are better classified as proper names. However, when determining ethnical belonging of an individual, one can refer to an ethnonym as a common name, although in some contexts an ethnonym even in singular might bear a proper name meaning. The issue of ethnonyms' propriality is considered from the point of Russian language established tradition to write them in lowercase letters. It is concluded that it is inconsistent to classify ethnonyms as appellatives based only on their non-capitalisation. Additional possibilities to express different meanings are indicated for languages exploiting ethnonyms' capitalisation. Meanwhile the author underlines the importance of the established tradition to begin ethnonyms with a lowercase letter in Russian. The selected examples show that when a language differing the ethnonym from the non-ethnonym only by means of word capitalisation can use this orthographical technique in practice, Russian may resort to the word formation or substitution to distinguish clearly an ethnonym from any other noun.

Keywords: ethnonym, proper name, common name, singular and plural, uppercase and lowercase letters

© Teikin M. S. 2023

For citation: Teikin, M. S. (2023). Onomasticheskiy status etnonimov i vopros ikh peredachi s propisnoy bukvy [The propriality of ethnonyms and the problem of their capitalisation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 126–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_126

1. Введение [Introduction]

Вопрос о принадлежности этнонимов к ономастике или о нахождении их за её пределами не имеет окончательного решения. На сегодняшний день среди отечественных исследователей существует три мнения на сей счёт, берущих своё начало с периода активного изучения этнонимии. Широкое использование термина *этноним* отмечено именно в 1970-е гг. [Ковалёв, 1991, с. 5; Григорьева, 2019, с. 12]. Статья нацелена не только на то, чтобы изложить существующие ныне научные концепции относительно места этнонимов в ономастике, но и на то, чтобы на примерах, отобранных автором, исследовать ономастичность данного вида лексических единиц, определить их место среди собственных и нарицательных имён. Прежде чем приступить к изучению проблематики, следует изложить имеющиеся в науке взгляды относительно этнонимической проприальности.

Этнонимы как имена нарицательные рассматривала А. В. Суперанская. Исследовательница видела в этнонимах общие черты с групповыми обозначениями лиц по социальному положению, производственной деятельности, принадлежности к различным объединениям; такие обозначения коннотируют, а денотат их неопределён; этнонимы, как правило, коннотируют, в связи с чем не могут быть отнесены к именам собственным [Суперанская, 1973, с. 206].

Взгляд на этнонимы как на имена собственные среди учёных XX в. отстаивал В. А. Никонов [Никонов, 1970, с. 5–6]; однако он отмечал важную деталь по состоянию на 1970 г.: «[П]ока теория собственного имени у нас не разработана и граница между именем собственным и именем нарицательным не установлена, пусты рассуждения, по какую сторону неизвестной линии находятся этнонимы» [Никонов, 1970, с. 6]. Исходя из этих слов можно предположить, что при окончательной разработке теории имени собственного могла бы быть проведена линия между апеллиативами и проприативами, которую этнонимы отделились бы от собственных имён, пополнив список апеллиативов.

Согласно А. А. Белецкому, этнонимы входят в промежуточный лексический слой между именами собственными и нарицательными. Лингвист указал, что данный лексический класс мог бы быть назван классом коллективных имён, если бы этим терминологическим выражением не был бы обозначен класс нарицательных кол-

лективных имён (а также числительных и местоимений). В связи с этим исследователь, во избежание терминологической путаницы, называет такой промежуточный класс *койноними* [Белецкий, 1972, с. 162]. Койноним – это слово, обозначающее совокупность (= общность, коллектив, группу) людей с присущим каждому из них неотъемлемым признаком или обозначающее одного человека, составляющего единицу такой совокупности [Белецкий, 1972, с. 162]; говоря кратко, койнонимы – это названия человеческих сообществ [Белецкий, 1972, с. 171]. В. Д. Бондалетов полагает, что этнонимы по своим функциональным особенностям тяготеют к апеллятивному массиву слов [Бондалетов, 1983, с. 29], но, останавливаясь на их ономастическом статусе, делает важное уточнение: «Если можно решительно возразить против зачисления в категорию “промежуточных” фамилий (и считать их подлинными онимами) и названий жителей (и отнести их к нарицательным), то определить подлинное место этнонимов (названия наций, народов, народностей, племён и других этнических групп) пока не представляется возможным. Одни авторы относят их к ономастике, другие – к апеллятивной лексике» [Бондалетов, 1983, с. 29].

2. Материал и методика исследования [Materials and methods]

М а т е р и а л о м для настоящего исследования послужили образцы из художественной, публицистической, справочной и научной литературы различных лет (22 образца за период 1873–2022), а также собственные примеры автора. Общее количество проанализированных примеров составило 55 единиц.

О б ъ е к т о м анализа являются:

- ономастический статус этнонимов;
- возможность передачи нарицательных имён с прописной буквы в некоторых случаях;
- возможность передачи собственных имён – неэтнонимов со строчной буквы, не являющейся орфографической ошибкой.

Основными при проведении исследования являются методы стилистического анализа различных онимов, когнитивного анализа этнонимов и спорных наименований на предмет их ономастичности. В основу исследования статуса этнонима как имени собственного кладётся его зависимость от грамматического числа и семантического наполнения лексемы.

3. Ономастичность этнонимов [Ethnonyms' propriality]

3.1. Прописная буква в этнонимах [Ethnonyms' capitalisation]

Этнонимы не имеют однозначного трактования: в отличие от антропонимов и топонимов, безусловно относимых учёными к именам собственным, этнонимы рассматриваются различно. Важное, но не решающее значение в восприятии этнонимов как имён нарицательных имеет их орфография: «Имя этноса играет огромную роль в процессе его самоопределения и установления развития контактов с другими народами. Не случайно в письменной речи существует традиция написания этнонимов с прописной буквы, что соответствует высокому статусу таких слов-наименований в сознании общества. По-видимому, этот факт стал отправной точкой в дискуссии об отнесении этнонимов к именам нарицательным или именам собственным» [Григорьева, 2019, с. 15].

По ныне действующему правилу русского языка, установившемуся с эпохи Я. К. Грота в 1880-е гг. и принятому в конечном счёте самим академиком, этнонимы пишутся со строчной буквы [Грот, 1885, с. 84]. Важно подчеркнуть, что за 12 лет до выхода в свет первого издания «Русского правописания» Я. К. Грот отмечал сложность и неоднозначность вопроса орфографии этнонимов. По его мнению, во множественном числе этнонимы суть имена собственные, когда имеется в виду население во всей его

совокупности, и должны писаться с заглавной буквы. Если этноним служит определением другого имени или прилагается к отдельным лицам, он должен писаться со строчной буквы; очевидно, в таком случае этноним, по Я. К. Гроту, есть имя нарицательное. Таким образом, учёный предлагал писать этнонимы с заглавной буквы в значении имени собственного (*Шведы* и *Норвежцы* населяют Скандинавский полуостров) и с маленькой – в значении имени нарицательного (*англичанин* Диккенс, я встретил двух *голландцев*). На случай установления единообразного написания этнонимов независимо от их значения Я. К. Грот предлагал принять написание с большой буквы для всех случаев [Грот, 1873, с. 125–126]. В «Русском правописании» позиция прямо противоположная высказанной Я. К. Гротом ранее, но именно позднее мнение исследователя было принято во внимание при установлении орфографического правила.

3.2. Ономастичность этнонимов в зависимости от числа [Ethnonyms' propriality in dependence of their grammatical number]

Со взглядом Я. К. Грота об ономастическом статусе этнонимов перекликается концепция современного исследователя В. И. Супруна. По его мнению, этнонимы «в зависимости от нумеральной формы и контекста имеют ономастическую или нарицательную семантику» [Супрун, 2000, с. 25]. Согласно В. И. Супруну, «название лица по национальности входит в так называемое антропонимическое поле и представляет собой апеллиатив, который характеризует отдельного человека так же, как и наименование по профессии, месту жительства, организации <...>. Вероятно, за такими апеллиативами не стоит закреплять термин *этноним*, поскольку речь не идёт о наименовании этноса» [Супрун, 2000, с. 26]. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что исследователь считает этноним именем собственным, если в апеллиативном, по его мнению, значении лексемы предлагает воздерживаться от термина «этноним». При этом названия национальностей в форме множественного числа, используемые в значении 'представители того или иного народа; люди определённой национальности', по В. И. Супруну, имеют ономастические функции [Супрун, 2000, с. 27].

А. И. Грищенко, исследуя ономастическую природу этнонимов через признак проявления одушевлённости у слов *народ*, *нация*, *этнос*, замечает: «Можно сделать предположение о том, что рассмотренное аномальное проявление категории одушевлённости / неодушевлённости у слова *народ* говорит скорее о принадлежности этнонимов (по крайней мере во множественном числе) к именам собственным, чем о непринадлежности» [Грищенко, 2011б, с. 66].

Автор настоящей статьи согласен с тем, что во множественном числе при обозначении представителей определённой национальности этнонимы суть скорее имена собственные. Однако сфера употребления этнонимов не ограничивается только данной областью, о чём пойдёт речь ниже.

При употреблении названия лица по национальности в единственном числе не следует рассматривать этноним исключительно как имя нарицательное – всё зависит от контекста, стилистики и иных факторов. Так, во фразах: 1) *я (есть) немец, он (есть) немец* и 2) *сюда пришёл немец* – этноним имеет разные функции; в последней фразе речь может идти об одном человеке или о немцах в совокупности, во втором случае в сниженном значении этноним может заменяться антропонимом – типичным немецким именем: *сюда пришёл Фриц, сюда пришёл Ганс*; данная замена для первой фразы без изменения смысла невозможна. Напротив, во фразах *я (есть) немец* и *они (суть) немцы* этноним, несмотря на употребление в разных числах, несёт функцию определения лица или лиц по национальности и в обоих случаях имеет нарицательное значение. Именно такое положение этнонимов делает их стоящими на стыке имён собственных и нарицательных, в особенности при употреблении в единственном числе.

3.3. Имя и название [Name and denomination]

Этноним есть имя народа. Не бывает безымянных народов, в отличие от безымянных гор, рек и прочих топографических объектов. А. И. Грищенко верно отмечает: «Если у народа нет собственного имени, понимаемого как собственное имя, то это не народ, а некая другая совокупность людей» [Грищенко, 2012, с. 90]. Нужно подчеркнуть: у народа во всей своей совокупности, как и у отдельного человека, всегда имеется имя – именно *имя*, а не *наименование* или *название*, какое может быть, например, у явления природы или вида деятельности человека, относящихся к нарицательным именам. Мы не можем сказать *название человека* применительно к отдельному индивиду – только *имя человека*, имея в виду один или несколько его антропонимов¹. При этом неоспоримым фактом является то, что биологические виды, в частности *Homo sapiens*, *Homo neanderthalensis*, именами собственными не являются, несмотря на то, что по-латыни первое слово пишется с прописной буквы. Если мы хотим указать на видовую принадлежность человеческой особи (напр., идентифицировать ископаемые останки), допустимо употребить словосочетание *название человека*, но никак не *имя человека*.

При этом вполне употребительны словосочетания *название народа* и *имя народа*, термин *эндоэтноним* имеет синоним *самоназвание*; здесь отражается неоднозначность отнесения этнонимов к именам собственным или нарицательным. Однако использование словосочетания *название народа* не делает безоговорочно этноним апеллятивом; такое словоупотребление характерно для справочной литературы (напр., *список названий народов Африки*), для этнографического описания этноса и других подобных случаев. Словосочетание *имя народа* употребляется, когда имеется в виду определённый народ и его обозначение, служащее для идентификации данного народа и позволяющее отличить его от иных народов; той же цели служат имена людей.

Английский лингвист А. Гардинер дал следующее определение имени собственного, весьма ёмкое по содержанию: «Имя собственное – это слово или группа слов, признающиеся имеющими идентификацию своей специфической целью, достигающие или стремящиеся достичь данной цели посредством только своего рода различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с идентифицируемым посредством него объектом или объектами» [Gardiner, 1957, p. 73]. Следует заметить: этнонимы вписываются в данное А. Гардинером определение.

Если этноним в определённом контексте относится ко всему народу в совокупности или к какой-либо его части, такой этноним есть имя собственное; в подавляющем большинстве случаев он будет употреблён во множественном числе или в собирательной форме². Однако далеко не все исследователи соглашались с таким взглядом.

3.4. Понятие этнонима и ономастика [The concept of ethnonym and onomastics]

По мнению Н. В. Григорьевой, этноним относится к именам нарицательным и не является средством индивидуализации, так как его основная функция заключается в номинировании коллективных сообществ [Григорьева, 2019, с. 9]. С вышеобозначенной позицией коррелирует формулировка этнонима в «Словаре русской ономастической тер-

¹ Согласно русскому национальному обычаю имя человека состоит из: 1) собственно имени, 2) отчества, 3) фамилии. Это закреплено на законодательном уровне в части первой статьи девятнадцатой Гражданского кодекса Российской Федерации.

² Собирательная форма, по словам Н. В. Подольской, относится ко всему этносу. Так, *русь* – собирательная форма этнонима *русич*, мн. ч. *русичи*; *россияне* – собирательная форма этнонима *россиянин*, мн. ч. *россияны* [Подольская, 1988, с. 153].

минологии» Н. В. Подольской: *этноним* – это номен для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.) [Подольская, 1978, с. 167]. *Номен*, согласно определению того же словаря, – это слово или словосочетание, имеющее прямую связь с предметом или с видом, представляющим собой неопределённое множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-либо отрасли науки, техники, производства, искусства и т. п. При этом номены отличаются от терминов, от общеупотребительной («бытовой») лексики и от имён собственных. Имена-номены помечаются словарём в качестве нарицательных; отмечается, что они сопутствуют онимам. Приводятся следующие примеры номенов: у антропонимов – номенклатура родства, этнонимы, номенклатура профессий, номенклатура чинов, званий, титулов, катойконимы и т. п.; у топонимов – номенклатура географии, геологии, этнонимы и т. п. [Подольская, 1978, с. 90]. Во втором издании словаря Н. В. Подольская прямо пишет: этноним – имя нарицательное обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.). При этом исследовательница отмечает, что термин *этноним* по своей структуре соответствует онимам других классов, однако он не обозначает имена собственные, хотя существует и противоположное мнение [Подольская, 1988, с. 153].

А. С. Поляков относит этнонимы к категории идентифионимов, куда включаются также профессионализмы (названия лиц по профессии), политические и идеологические соционимы (названия лиц по политическим и идеологическим предпочтениям), лингвонимы (названия языков и связанных с ними лексических единиц – диалектов, говоров, языковых семей и т. п.), конфессионимы (названия лиц по религиозной принадлежности) и цивилизационимы (названия человеческих сообществ, объединённых по цивилизационному признаку). По мнению исследователя, к идентифионимам следует также отнести названия людей по ценностным установкам, менталитету и мировоззрению; вся эта лексико-тематическая макрогруппа, включая этнонимы, является апеллятивной [Поляков, 2016, с. 128–129]. По А. С. Полякову, «возможно, даже такие характеристики, как названия людей по пищевым предпочтениям, хобби и принадлежности к субкультуре, являются социально окрашенными, в них не менее, чем в этнонимах, может выражаться концепт “свой – чужой”» [Поляков, 2016, с. 129].

Следует возразить позициям Н. В. Подольской и А. С. Полякова. Этноним может обозначать не только одного человека либо коллектив людей по этническому признаку, но и целую общность, обладающую собственной субъектностью. В первом случае этнонимы, безусловно, сближаются с остальными идентифионимами, являющимися нарицательными именами, однако имеют существенное отличие от последних. Конфессионимы, цивилизационимы, профессионализмы и соционимы различают принадлежность человека к определённой группе, как правило, имеющей чёткие границы и легко различаемой от остальных групп. В случае с этнонимами это не всегда имеет место, о чём речь пойдёт ниже. При обозначении человека этноним употребляется в нарицательном значении, совпадающим с таковым у конфессионима, профессионализма и др. идентифионимов. Так, во фразе *Джон Смит – англичанин, англиканец, юрист* этноним следует признать идентифионимом, в данном случае определяющим национальность Джона Смита наряду с его религиозной принадлежностью и профессиональным занятием. Однако этноним не только может указывать на принадлежность человека или группы людей к национальности. Другое назначение этнонима – обозначать целую общность, причём это может быть любой уровень этнической категории: суперэтносы, собственно этносы, субэтносы и небольшие общности народа, не имеющие признаки субэтноса (данные категории не всегда имеют чёткие границы). В этом случае нельзя говорить о нарицательном значении, здесь этноним выступает как имя этнической общности.

По мнению А. В. Суперанской, стоявшей на позиции апеллятивности этнонимов, данные лексические единицы, как правило, коннотируют [Суперанская, 1973, с. 206].

Коннотативность этнонимов состоит в том, что «они вводят собеседника в круг культурно-исторических, территориальных, этнографических и прочих сведений о человеке, подразумеваемых при одном лишь упоминании его национальности» [Суперанская, 1973, с. 211]. Современный исследователь А. И. Грищенко делает важное замечание относительно высказанного А. В. Суперанской мнения о коннотативности этнонимов: «Однако все обозначенные “сведения” относятся к энциклопедической информации, а собственно лингвистическое значение, могущее выступить в качестве толкования в словаре, у этнонимов практически отсутствует (или, по крайней мере, выделение его проблематично) – как у всех прочих “классических” имён собственных (антропонимов и топонимов)» [Грищенко, 2011 б, с. 62].

Тот же А. И. Грищенко в другой работе отмечает сложность отнесения этнонимов к классу номенов: «Значительные трудности при попытках традиционной словарной семантизации этнонимов и противоречивость существующих толкований ещё не свидетельствуют однозначно о проприальности данного класса слов, хотя и ставят под сомнение их принадлежность к “номенам”, самые распространённые из которых (названия животных, растений и т. п.) могут быть истолкованы достаточно корректно» [Грищенко, 2011а, с. 439]. Исследователь верно подмечает, что номены, использующиеся для обозначения множества идентичных единиц, существуют объективно. Чёткое выделение и разграничение понятий *этнос*, *этническая группа*, *народность*, *народ*, *нация* представляет большую сложность, носит противоречивый характер.

Одна этническая единица может видеться различно окружающими её народами, чьи взгляды на такую единицу могут быть прямо противоположны. В определении места этнической единицы лежит не строго научный, а культурно-ценностный подход. Так, существуют различные взгляды на современных славян-македонцев: в Болгарии большинство считает их субэтносом болгар, в бывшей Югославии македонцы официально считались отдельным народом, сторонники идеи Великой Сербии видят в македонцах субэтнос сербов; в сегодняшней Северной Македонии принята «югославская» концепция об отдельном народе. В 1945 г. в Югославии официально утвердили кодификацию македонского языка, было принято македонское правописание, схожее с сербским: в частности, в нём отсутствуют йотированные гласные, вместо *й* используется *ј*. Разумеется, принятие такого правописания носило в том числе политический характер с целью максимального отдаления македонцев от болгар, концептуально иная орфография – фонетического характера – в значительной мере подчёркивала это отличие³; Югославии было важно закрепить на культурном уровне своё притязание на спорные земли, неоднократно являвшиеся предметом раздора между Болгарией и Сербией, в равной мере считавшими македонскую территорию своей.

Различие в концепциях относительно македонцев нашло своё отражение в том числе в передаче этнонимов на разных языках: в сербском языке этнонимы пишутся с прописной буквы, в болгарском языке – со строчной; для македонского языка приняли написание этнонимов с прописной буквы, как и во всех славянских языках Югославии.

Таким образом, согласно различным взглядам на славян-македонцев нельзя однозначно истолковать этноним *македонцы*, поскольку имеются три противоположные концепции: одни считают македонцев отдельным славянским народом, другие считают их субэтносом болгар, третьи – субэтносом сербов. Следует подчеркнуть: в основе трёх концепций лежат не столько научные факты, сколько внутреннее восприятие македонцами самих себя, а также восприятие македонцев их балканскими соседями, могущее носить иррациональный характер. Вышеизложенное подтверждает, что весьма затруднительно считать этнонимы номенами.

³ Имеются примеры современных македонских текстов, записанных болгарским правописанием. Например, здесь: <https://osvedomitel.bg/2020/05/bulgariya-makedonija/>.

Касательно этнонимов правильно будет согласиться с А. С. Щербак, осторожно относящейся к жёсткому противопоставлению собственных и нарицательных имён, поскольку это не позволяет понять и проследить процессы взаимодействия лексикона и ономастикона. По мнению исследовательницы, «диапазон проблематики имён собственных гораздо шире, он не должен сводиться к ограниченности в процессе регулярного слово- и формообразования имён собственных, поскольку в номинации они отмечаются большая свобода фонетических и морфологических вариаций и инноваций, что предполагает возможность языка концептуализировать один и тот же объект разным образом» [Щербак, 2008, с. 19].

А. И. Грищенко отмечает важную деталь: «Ещё более “ономастичность” этнонимов как особого подкласса коллективных имён проявляется при сопоставлении их с семейными именами (фамилиями во множественном числе), а также названиями родов, команд и т. д. Никто их, в отличие от этнонимов, ономастического статуса пока не лишил даже в орфографии: все они до сих пор пишутся с прописной буквы, а некоторые и в кавычках» [Грищенко, 2011 б, с. 66]. Действительно, фамилия и в единственном числе, обозначая отдельного человека, и во множественном числе, обозначая род или семью либо совокупность однофамильцев, является именем собственным. Этноним во множественном числе, обозначая народ, по своей функции сближается с фамилией во множественном числе, что лишний раз свидетельствует о его проприативном статусе.

4. Прописная и строчная в собственных и нарицательных именах [Uppercase and lowercase in proper and common names]

А. Д. Шмелёв отмечает две главные функции прописных букв в русском языке: позиционную и выделительную; позиционная функция заключается в маркировании определённых позиций в тексте; выделительная функция заключается в маркировке определённых слов независимо от строения текста [Шмелёв, 2020, с. 46]. Типичная позиционная функция – написание первого слова в каждом самостоятельном предложении и в каждом стихе с прописной буквы; возможно, но необязательно применение данной функции в написании заголовков. Выделительная функция применяется, в частности, в именах собственных.

В. А. Никонов называл аргумент об отнесении этнонимов к нарицательным именам на основании их написания со строчной буквы смехотворным [Никонов, 1970, с. 6]. Действительно, в иных языках этнонимы пишутся с прописной буквы; из славянских к ним относятся польский, чешский, словацкий, сербский (хорватский), словенский, македонский. Орфография не может определять проприативность имени, в случае с этнонимами правило их правописания со строчной или прописной буквы в разных языках может объясняться, с одной стороны, традицией письменной передачи данных онимов и, с другой стороны, мнением лиц, осуществляющих кодификацию орфографических правил.

По верному замечанию А. Д. Шмелёва, употребление прописных букв в выделительной функции в каждом языке регулируется в первую очередь традицией; задача кодификатора состоит прежде всего в том, чтобы выявить и максимально точно описать эту традицию [Шмелёв, 2020, с. 46].

Прописные буквы употребляются в выделительной функции для обозначения собственных имён – антропонимов, гидронимов, ойконимов и проч.: *Анна, Павел; Нева, Байкал, Ловозеро; Анапа, Кемерово, Хабаровск.*

4.1. Прописная буква в нарицательных именах [Uppercase in common names]

Прописные буквы используются также в иных случаях: для указания на торжественность, священный или высокий смысл нарицательных существительных (*Родина,*

Отечество, Братство, Честь, Человек); для вежливого обращения (местоимения *Вы, Ваши* в переписке и официальных документах); для выделения титула или высшей должности при официальном именовании (*Его Императорское Величество, Ваше Высочество, Премьер-Министр, Президент*). Такое использование прописной буквы А. И. Дунёв называет идеографической функцией. По мнению исследователя, «“символическая” или идеографическая функция реализуется при написании нарицательных имён в “патетическом стиле” <...>» [Дунёв, 2007, с. 122]; её можно назвать частным проявлением выделительной функции. Маркировка нарицательных имён прописной буквой приближает их к именам собственным.

4.2. Строчная буква в собственных именах [Lowercase in proper names]

В выделительной функции с целью, противоположной идеографической функции прописной буквы, употребляется строчная буква в собственных именах: для отрицательной экспрессии по отношению к такому имени, для усиления его негативной оценки. Так, встречается написание со строчной буквы являющимся именем собственным названия государства: *российская империя*. Ниже несколько примеров разных лет:

1) брошюра Н. В. Устрялова, изданная в апреле 1917: «Молодая русская республика больше скажет уму и сердцу русскаго челоуѣка, чѣмъ російская имперія послѣдней эпохи» [Устрялов, 1917, с. 22];

2) анкета писателя О. О. Павлова: «Шаморские – потомки какого-то поляка российской империи, вероятно дворянина, что был сослан в Сибирь за участие в Польском Восстании и обрусел»; «Новообразованное государство советское, ставшее восприимчивом российской империи, было обречено на эту войну» [Николаев, 1999, с. 170, 175];

3) интервью Х.-А. Т. Нухаева: «Задавая свой эмоциональный вопрос о преступном равнодушии турецкого султана к неравной борьбе единоверцев-кавказцев против российской империи, Шамиль, уничтожавший во имя укрепления государственности все традиционные устои общественного самоуправления, то есть, по сути, внутреннее содержание Ислама, едва ли понимал, что построенное им государство рано или поздно должно подойти к той же логике “политической целесообразности”, которая так возмутила имама в поведении Османской державы» [Нухаев, 2002, с. 159].

4) статья В. В. Согрина: «Дело в том, что российские большевики во главе с Лениным оказались единственной российской политической силой, которая заняла антиимперскую позицию, да к тому же провозгласила право народов российской империи на самоопределение» [Согрин, 2010, с. 76].

Разумеется, допустимо писать словосочетание *российская империя* в нарицательном значении, имея в виду не государство, существовавшее в период с 1721 по 1917 гг., а российскую государственность вообще; сами по себе существительные *республика, империя, царство, королевство* и т. п. суть имена нарицательные. Однако во всех вышеперечисленных случаях имеется в виду существовавшее монархическое государственное образование с императором во главе, что явно следует из контекста; здесь можно говорить скорее о сознательном принижении дореволюционной России и монархической формы правления путём использования средств орфографии.

Так, в брошюре Н. В. Устрялова в отношении республики следует говорить о нарицательном имени, поскольку собственно Российской Республики на тот момент ещё не было, однако название империи однозначно имя собственное, но даётся со строчной буквы. В ответе О. О. Павлова по контексту в обоих случаях речь однозначно идёт о собственном имени, однако в силу авторских предпочтений название Российского государства пишется намеренно со строчной буквы – в противоположность польскому восстанию, что явно свидетельствует о политических предпочтениях опрашиваемого.

Х.-А. Т. Нухаев, упоминая времена Кавказской войны, официальное название Российского государства даёт со строчной буквы – в противоположность неофициальному названию Османской Империи, или Оттоманской Порты, что также выдаёт политические предпочтения интервьюируемого. В статье В. В. Согрина речь идёт также о конкретном государстве, в отношении которого большевики заняли антиимперскую позицию; возможно, такое написание выбрано в связи с отрицательным отношением большевиков к Российской Империи, хотя это не даёт основания писать имя собственное со строчной буквы, если сам автор не разделяет большевицкую позицию; примечательно, что названия войн В. В. Согрин последовательно пишет с заглавных букв: Крымская война, Первая мировая война, Гражданская война [Согрин, 2010, с. 74, 76].

Следует отметить, что название *Союз Советских Социалистических Республик* писалось и пишется с прописных букв, даже два последних слова считаются частью имени государства. Правда, у В. И. Ленина имеется запись со строчных букв: *союз советских социалистических республик* [Ленин, 1970, с. 356, 361–362], однако он имеет в виду не образующее государство, получившее данное название, а являющуюся нарицательным именем форму пролетарского союза государств.

В случаях с написанием Российской Империи со строчной буквы имеет место передача негативного отношения к государству посредством строчной буквы. Это подтверждает: не во всех случаях все имена собственные пишутся с прописной буквы, а все имена нарицательные – со строчной.

Возможность написания отдельных собственных имён со строчной буквы имеет хождение на практике, причём это не окказиональные случаи, а закрепившаяся на практике орфография, пусть и для небольшого числа имён. Это подтверждается ответом Грамоты.ру, подготовленным В. В. Лопатиным, на вопрос № 263602, заданный человеком, усомнившимся в правильности написания со строчных букв существительных *гитлерюгенд*⁴ и *ку-клукс-клан*, поскольку это оригинальные названия общественно-политических организаций. Исследователь ответил так: «Написание со строчной [буквы] таких слов, как *гитлерюгенд* и *ку-клукс-клан* (хотя это, действительно, индивидуальные названия организаций, движений), обусловлено исключительно многолетней традицией. Традицией, в формировании которой немалую роль сыграла и определённая идеологическая подоплёка: *гитлерюгенд* – нацистская, вражеская организация, *ку-клукс-клан* – организация, проповедующая враждебную нам расистскую идеологию. Иными словами, сложилась традиция написания этих слов со строчной как обозначающих чуждые понятия» [Грамота.ру, 2022].

В советское время со строчной буквы писался единый Бог с целью подчёркивания атеистической сущности нового общества и отрицания бытия Божия. При этом не бралось во внимание как неудобство такой орфографии, влекущей невозможность отличить языческого бога от Бога единого, так и тот факт, что отношение к религии отдельного человека или всего общества не должно влиять на правописание собственных имён таким образом, чтобы они становились неотличимы от имён нарицательных. По замечанию Н. В. Подольской, *Бог* и *бог* – это не одно слово, пишущееся то с большой, то с малой буквы, а два разных слова: одно – имя собственное, другое – нарицательное, за которыми стоят разные понятия [Подольская, 1994, с. 50]. Следует безусловно согласиться с исследовательницей. Принятое в советское время написание

⁴ Не затрагивая написание данного названия со строчной или прописной буквы, следует указать на нелогичность и неправильность отсутствия *ъ* на стыке двух корней: слово не сложносокращённое (*Минюст*, *комячейка* и т. п.), первый корень оканчивается на твёрдую согласную, а второй корень начинается на йотированную гласную, что требует буквы *ь*: *Г(г)итлеръюгенд*. Написание без *ера* в середине обусловлено закрепившейся практикой, не соответствующей правилам орфографии: в аналогичном по морфемному составу слове *фельдъегерь* с двумя корнями *ер* пишется. Таким образом, название книги «Сталинъюгенд» [Кирпичников, 2007] орфографически верно.

единого Бога со строчной буквы затемняло смысл текста, не давало возможности отличить Бога не только от языческих богов, но и – что немаловажно для философских и религиозных сочинений – лишало способа письменно обозначить атеистическую подмену Бога человеком, которую следовало бы обозначить строчной буквой, от имени Творца, всегда писавшегося с прописной буквы, что на примере «Бесов» Ф. М. Достоевского показывает современный исследователь В. Н. Захаров [Захаров, 2013, с. 301].

4.3. Орфография этнонимов и их ономастичность [Ethnonyms' orthography and their propriality]

Вышеприведённые примеры свидетельствуют о том, что даже собственные имена могут по причинам внелингвистического характера писаться со строчных букв. Чаще всего основанием для отсутствия прописной буквы в собственном имени служит отрицательное отношение к объекту, предмету, событию, сущности или явлению, обозначаемому таким именем. Однако это самая очевидная, но не единственная причина для написания собственных имён со строчной буквы.

Н. В. Григорьева видит в традиции написания этнонимов с прописной буквы соответствие высокому статусу таких слов-наименований в сознании общества, при этом сама исследовательница относит этнонимы к именам нарицательным [Григорьева, 2019, с. 15, 9]. Однако, если полагать этнонимы исключительно именами нарицательными, – при последовательном написании этнонимов с прописной буквы (существовавшем в русской орфографии и существующем в орфографиях некоторых языков донныне) не представляется возможным считать такое использование прописной буквы в функции, называемой А. И. Дунёвым символической или идеографической – для «патетического стиля» [Дунёв, 2007, с. 122]. В «патетическом стиле» нарицательные имена употребляются не во всех контекстах: так, существительное *Родина* ~ *родина*, местоимение *Вы* ~ *вы* пишутся различно в зависимости от того, какое понятие в них вкладывается и в каком стиле речи (научном, публицистическом, литературно-художественном, деловом) употребляются данные слова. Этнонимы, если они исторически писались в русском языке с прописной буквы, писались так последовательно, вне зависимости от вкладываемого в них значения.

Как указано выше, имеются различные взгляды на ономастический статус этнонимов, что отметил ещё Я. К. Грот; поскольку этнонимы не относили безусловно к именам собственным, в XIX в. в русском языке наметилось колебание в их орфографии.

Этноним имеет ономастический статус в зависимости от своего значения; во множественном числе он чаще всего выступает как проприатив – имя народа или иной этнической субъектности. Поскольку, в отличие, например, от антропонимов и топонимов – безусловных собственных имён, этноним не всегда несёт в себе ономастическое значение, было целесообразно принять написание таких лексем со строчной буквы: во-первых, в исключительно нарицательном значении слово с прописной буквы неоправданно выделяется в тексте среди остальных нарицательных имён; во-вторых, при неоднозначности ономастического статуса имени существительного логичнее не обозначать его орфографически, поскольку русскому языку несвойственно обилие прописных букв с выделительной функцией в тексте: лучше написать неоднозначное собственное имя со строчной буквы, чем нарицательное – с прописной.

По устоявшейся традиции и согласно действующему правилу орфографии в русском языке этнонимы пишутся со строчной буквы. Данный факт, однако, не решил окончательно вопрос их ономастического статуса, но и не лишил их ономастичности.

4.4. Преимущества написания этнонимов с заглавной буквы [Advantages of ethnonyms' capitalisation]

Ранее в русском языке этнонимы писались с прописной буквы, однако в конце XIX в. – вслед за указаниями Я. К. Грота – закрепилось написание этнонимов со строчной буквы, хотя и после выхода Гротова «Русского правописания» на практике встречались написания с прописной буквы. Сегодня представляется правильным следовать традиции и не вносить изменения в орфографию этнонимов, устоявшуюся со времён Я. К. Грота.

В научных целях следует рассмотреть преимущества, которыми могут пользоваться языки, удерживающие написание этнонимов с прописной буквы. Лучшим примером для сравнения является близкородственный язык, и в качестве такового в разбираемом случае вполне подходит сербский. В сербском языке существуют этнонимы *Цинцар*, *Цинцарин* ‘фракийский валах, македонский румын, цинцар’ и нарицательные существительные *цинцар*, *цинцарин* ‘лавочник’. Благодаря орфографическому средству удаётся разграничить этноним от профессии, что было бы невозможно в русском языке.

Славяне-мусульмане Югославии в 1971 г. стали официально называться именем *Муслимани* (ед. ч. *Муслиманин*), по звучанию тождественным конфессиониму *муслиманин* ‘мусульманин’. Таким образом, славяне-мусульмане смогли называть себя мусульманами в смысле народа [Dimitrova, 2001, p. 96]. Фактически конфессионим стал в Югославии этнонимом; такая трансформация оказалась возможна благодаря тому, что этнонимы в сербском (хорватском), словенском и македонском языках пишутся с заглавной буквы, что позволило различать на письме два слова с одинаковым звучанием. В русском языке такая передача разных смыслов невозможна. Большая советская энциклопедия в третьем издании при обозначении современных босняков вынужденно берёт название народа в кавычки, а при первом употреблении даёт пояснение: «Югославия – многонациональная страна, её населяют: сербы <...>, хорваты <...>, словенцы <...>, “мусульмане” (в этническом смысле) <...>, македонцы <...>, черногорцы <...>. <...> Сербь, хорваты, “мусульмане” и черногорцы говорят на диалектах сербскохорватского языка, словенцы и македонцы имеют свои разговорные и литературные языки»⁵ [БСЭ, 1978, с. 341].

Разумеется, преимущество сербского языка в написании этнонимов с заглавной буквы и как следствие возможность отличать этноним от конфессионима может быть компенсировано в русском языке иными средствами, а именно, использованием этнонима иных звучания и формы. Так, в русском языке до 1971 г., когда в Югославии официально закрепили этноним *Муслимани*, употреблялся и ныне употребляется этноним *босняки*. Он встречается в сочинениях разных авторов наряду с этнонимом *герцеговинцы*:

1) у К. Г. Паустовского: «Там были чехи, немцы, итальянцы, тирольцы, поляки, босняки, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, цыгане, герцеговинцы, гуцулы и словаки... О существовании некоторых из этих народов я и не подозревал, хотя окончил гимназию с пятёркой по географии» [Паустовский, 1958, с. 340];

2) у А. И. Деникина: «Наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Фердинанд, при посещении г. Сараево был убит босняком, австрийским подданным Принципом» [Деникин, 1953, с. 298];

3) у участника Великой Отечественной войны Б. А. Слуцкого: «В ноябре дюжина наших разведчиков переплыла мутный Дунай, оглушила мёрзших в окопах босняков и заняла село Батину. <...> В первые два дня боя наша разведка доносила, что наступают босняки» [Слуцкий, 2000, с. 100, 105].

В 1993 г. в Боснии и Герцеговине вместо этнонима *Муслиманин*, мн. ч. *Муслимани*, приняли этноним *бошняк*, мн. ч. *бошняки* (*Бошњак*, мн. ч. *Бошњаџи*) [Dimitrova,

⁵ Все сокращения при цитировании раскрываются без указания; курсив, отсылающий к соответствующей статье в энциклопедии, не сохраняется.

2001, р. 97, 98]. Очевидно, несмотря на возможность орфографического различия, всё же удобнее использовать этноним, отличающийся от конфессионима по звучанию, хотя это было не основной причиной смены наименования после распада Югославии: главная идея заключалась в создании особого имени для боснийского народа, отличного от наименования по религии. Среди самих босняков нет однозначного мнения о принятии этнонима. Главные аргументы против него: этноним *бошняки* (*Бошњаци*) архаичен; до середины XIX в. использовался ранее как катойконим для обозначения всех жителей Боснии независимо от национальности и вероисповедания. По мнению исследовательницы М. Релич, люди, которых следует называть бошняками, не любят данное название и не хотят его [Релич, 2009, с. 44]. Однако для русского языка вполне приемлемо использовать этноним *босняк*: во-первых, он фонетически не тождествен этнониму *бошняк*; во-вторых, в русском и до 1971 и 1993 гг. использовался данный этноним, чему имеется подтверждение в литературе; в-третьих, этнонимы в русском языке могут отличаться от таковых в иных языках, включая славянские: самоназвание народа не всегда совпадает с его названием у других народов; в-четвёртых, слово *мусульманин* не может использоваться как этноним ввиду возможного семантического смешения, а в письменном языке также и по орфографическим причинам.

В пользу написания этнонимов с заглавной буквы можно назвать одну утилитарную причину: такая орфография существенно упрощает розыск этнонимов в тексте, заменяя чтение беглым просмотром в поисках нужного места. Для обычного читателя это, возможно, не представляет особого преимущества, тогда как исследователю, работающему с огромным количеством текстов, это существеннейшим образом облегчает жизнь, экономя время. По этой причине ономастологу удобнее работать с текстами, удерживающими заглавное написание этнонимов. Однако удобство для исследователя не может служить причиной внесения изменения в правило русской орфографии: написание этнонимов со строчной буквы логично, нельзя нарушать сложившуюся практику в угоду учёным-ономастологам; в противном случае пришлось бы вносить различные изменения в написание ради небольшой группы лиц (например, писать воинские звания с прописной буквы для удобства историков и военных, названия болезней – для удобства врачей и т. п.), что лишь дестабилизировало бы орфографию.

5. Заключение [Conclusion]

Изучение различных взглядов на статус этнонимов и рассмотрение вопроса их проприальности с точки зрения орфографии и образования множественного числа позволило сделать следующие выводы. Во-первых, в некоторых случаях имена собственные могут писаться со строчной буквы. Этнонимы, находящиеся на стыке имён собственных и нарицательных, в разных языках передаются различно: со строчной или с прописной буквы. У каждого языка существует своя традиция записи этнонимов, что может обуславливать различное использование их с иными словами одинакового звучания: например, *муслимани* и *Муслимани*, *цинциари* и *Цинциари* в сербском языке. Вместе с тем удобство различения этнонима от схожего по звучанию неэтнонима прописной буквой не является универсальным средством и не может служить аргументом в пользу принятия такого написания во всех языках, каждый из которых имеет собственную традицию.

Во-вторых, анализ примеров показал, что этнонимы во множественном числе обозначают народ в целом и являются собственными именами, в единственном числе при указании на национальность человека этноним выступает как имя нарицательное. Поскольку нарицательные имена пишутся со строчной буквы, правильнее они, находящиеся на стыке собственных и нарицательных имён, записывать со строчной буквы, как это и имеет место в русском языке.

Источники иллюстративного материала

- БСЭ 1978 – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. : в 30 т. Т. 30. М. : Советская энциклопедия, 1978. 632 с.
- Деникин 1953 – Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 384 с.
- Кирпичников 2007 – Кирпичников А. Ф. Сталиньгенд. М. : Вече, 2007. 320 с.
- Ленин 1970 – Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. Т. 45. М. : Изд-во политической литературы, 1970. С. 356–362.
- Николаев 1999 – [Николаев А.]. XX век: веки истории – веки судьбы. Анкета // Дружба народов. 1999. № 9. С. 165–180.
- Нухаев 2002 – Нухаев Х.-А. Россия и Чечения: мир по формуле «Победа – Победа». Интервью, данное Хож-Ахмедом Нухаевым чеченской газете «Мекх-Кхел» // Звезда. 2002. № 10. С. 153–173.
- Паустовский 1958 – Паустовский К. Г. Повесть о жизни // Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М. : ГИХЛ, 1958. 792 с.
- Слуцкий 2000 – Слуцкий Б. А. Записки о войне. Стихотворения и баллады / вступ. ст. Д. Гранина. Сост., послесл., примеч. П. Горелика. СПб. : Logos, 2000. 352 с.
- Согрин 2010 – Согрин В. В. Понять Россию. Понять Америку // Знание – сила. 2010. № 3. С. 73–81.
- Устрялов 1917 – Устрялов Н. В. Революция и война. М., 1917. 28 с.

Библиографический список

- Бондалетов, 1983 – Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983. 224 с.
- Белецкий, 1972 – Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). К. : Изд-во Киевского университета, 1972. 210 с.
- Грамота.ру, 2022 – Грамота.ру. Вопрос № 263602. [Электронный ресурс]. URL : <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=263602> (дата обращения : 27.12.2022).
- Григорьева, 2019 – Григорьева Н. В. Этнонимы в диалектной лексико-семантической системе (на материале псковских говоров) : дис. ... канд. филол. наук; 10:02:01 ; Псковский гос. ун-т. Псков, 2019. 262 с.
- Грищенко, 2011 а – Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима – семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I : сб. научных статей / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М. : РУДН, 2011. С. 437–443.
- Грищенко, 2011 б – Грищенко А. И. Ономастический статус этнонимов и категория одушевлённости/неодушевлённости // Русский язык в школе. 2011. № 9. С. 61–67.
- Грищенко, 2012 – Грищенко А. И. Ономастический статус этнонимов в свете антропологической концепции имени собственного // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 89–91.
- Грот, 1873 – Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1873. 162 с.
- Грот, 1885 – Грот Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии Наук. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1885. X, 144 с.
- Дунёв, 2007 – Дунёв А. И. Кризис орфографической нормы: прописная и строчная в современной письменной речи // Русское слово и русский текст: история и современность : сб. науч. ст., посвящённый члену-корреспонденту РАО, профессору Владимиру Алексеевичу Козыреву / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 121–128.
- Ковалёв, 1991 – Ковалёв Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. 175 с.
- Захаров, 2013 – Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах», или Почему нельзя править Достоевского // Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М. : Индрик, 2013. С. 300–316.
- Никонов, 1970 – Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 5–33.

- Подольская, 1978 – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1978. 199 с.
- Подольская, 1988 – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1988. 192 с.
- Подольская, 1994 – Подольская Н. В. Заглавная и строчная буквы в культовых словах // Русская речь. 1994. № 1. С. 49–57.
- Поляков, 2016 – Поляков А. С. К вопросу о содержании понятия «этноним» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 125–129.
- Рельић, 2009 – Рельић М. О националном имену и преименовању језика Бошњака/Муслимана. (Српски језик као босански у Призренско-шарпланинској области) // Зборник Матице српске за славистику. Књ. 75 / главни и одговорни уредник др Предраг Пипер. Нови Сад, 2009. С. 39–52.
- Суперанская, 1973 – Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. М. : Наука, 1973. 366 с.
- Супрун, 2000 – Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.
- Шмелёв, 2020 – Шмелёв А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имён людей с прописной буквы – есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53.
- Щербак, 2008 – Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина ; ООО «Центр-пресс», 2008. 197 с.
- Dimitrova, 2001 – Dimitrova B. Bosniak or Muslim? Dilemma of one Nation with two Names // Southeast European Politics. Oct. 2001. Vol. II, No. 2. P. 94–108.
- Gardiner, 1957 – Gardiner A. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2nd edn, 2nd impression. London ; New York ; Toronto : Oxford University Press, 1957. viii, 78 p.

Sources of illustrative material

- Great Soviet Encyclopaedia (1978). 3d edn : in 30 vol. Vol. 30. Moscow : Soviet Encyclopaedia Press. (In Russ.).
- Denikin, A. I. (1953). *Put' russkogo ofitsera* [Path of Russian officer]. New York : Chekhov Press. (In Russ.).
- Kirpichnikov, A. F. (2007). *Stalin' yugend* [Stalinjugend]. Moscow : Veche Press. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1970). К вопросу о национал'ности или об "автомизации" [To the nationalities issue or about "autonomisation"] (pp. 356–362). Full collected works : In 55 volumes. Vol. 45. Moscow : Political Literature Press. (In Russ.).
- [Nikolaev, A.] (1999). XX век: vekhi istorii – vekhi sud'by. Anketa [20th century: history's milestones – fate's milestones. Questionnaire]. *Druzhba narodov* [Peoples' Friendship], 9, 165–180. (In Russ.).
- Nukhaev, Kh.-A. (2002). Rossiya i Checheniya: mir po formule "Pobeda – Pobeda" [Russia and Chechenia: Peace by formula "Win – Win"]. *Zvezda* [Star], 10, 153–173. (In Russ.).
- Paustovskiy, K. G. (1958). *Povest' o zhizni* [Tale of life]. Collected works : In 6 volumes. Vol. 3. Moscow : GIKhL Press. (In Russ.).
- Slutskiy, B. A. (2000). *Zapiski o voyne. Stikhotvoreniya i ballady* [Notes of war. Poems and ballads]. St Petersburg : Logos. (In Russ.).
- Sogrin, V. V. (2010). Ponyat' Rossiyu. Ponyat' Ameriku [To understand Russia. To understand America]. *Znanie – sila* [Knowledge is Power], 3, 73–81. (In Russ.).
- Ustryalov, N. V. (1917). *Revolutsiya i vojna* [Revolution and war]. Moscow. (In Russ.).

References

- Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Beletskiy, A. A. (1972). *Leksikologiya i teoriya yazykoznaniya (onomastika)* [Lexicology and linguistic theory (onomastics)]. Kiev : Kiev State University Press. (In Russ.).
- Gramota.ru. (2022). Question No. 263602. Retrieved December 27, 2022, from <<http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=263602>>. (In Russ.).

- Grigoryeva, N. V. (2019). *Etonimy v dialektnoy leksiko-semanticheskoy sisteme (na materiale pskovskikh govorov)* [Ethnonyms in the lexical-semantical system of the dialect (on material of Pskov patois)]. PhD in Philological sci. diss. Pskov : Pskov State University. (In Russ.).
- Grishchenko, A. I. (2011 a). Leksicheskoe znachenie etnonima – semanticheskoe uravnenie s dvumya neizvestnymi [Ethnonym's lexical meaning – a semantic equation with two indeterminates]. In V. N. Denisenko, & O. I. Valentinova (Eds.), *Funktsional'naya semantika i semiotika znakovykh sistem* [Functional semantics and semiotics of token systems]. Pt. 1, Anthology of scientific papers (pp. 437–443). Moscow. (In Russ.).
- Grishchenko, A. I. (2011 b). Onomasticheskiy status etnonimov i kategoriya odushevlyonnosti/neodushevlyonnosti [The propriality of ethnonyms and the category of animacy/inanimacy]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 9, 61–67. (In Russ.).
- Grishchenko, A. I. (2012). Onomasticheskiy status etnonimov v svete antropologicheskoy kontseptsii imeni sobstvennogo [The propriality of ethnonyms in the light of anthropological conception of the proper name]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya : materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology : Proceedings of the 2nd International scientific conference]. In 2 pts. Pt. 1 (pp. 89–91). Yekaterinburg : Ural University Press. (In Russ.).
- Grot, Ya. K. (1873). *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great till now]. St Petersburg : Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Grot, Ya. K. (1885). *Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniyu Vtorogo otdeleniya Imperatorskoy Akademii Nauk* [Russian spelling. Manual compiled on behalf of the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St Petersburg : Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Dunyov, A. I. (2007). Krizis orfograficheskoy normy: propisnaya i strochnaya v sovremennoy pis'mennoy rechi [Crisis in orthographical standard: uppercase and lowercase in contemporary written speech]. In V. D. Chernyak (Ed.), *Russkoe slovo i russkiy tekst: istoriya i sovremennost'* [Russian word and Russian text: history and contemporaneity] (pp. 121–128). St Petersburg : Herzen University Press. (In Russ.).
- Kovalyov, G. F. (1991). *Etonimiya slavyanskikh yazykov. Nominatsiya i slovoobrazovanie* [Ethnonymics of Slavic languages. Nomination and derivation]. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (2013). Zaglavnyaya bukva v “Besakh”, ili Pochemu nel'zya pravit' Dostoevskogo [Capital letter in *Demons*, or Why one should not correct Dostoevsky]. In V. N. Zakharov, *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [Dostoevsky is author's name. An essay on writing] (pp. 300–316). Moscow : Indrik Press. (In Russ.).
- Nikonov, V. A. (1970). Etonimiya [Ethnonymics]. In *Etonimy* [Ethnonyms] (pp. 5–33). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. A. V. Superanskaya (Ed.). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd edn, revised and enlarged. A. V. Superanskaya (Ed.). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1994). Zaglavnyaya i strochnaya bukvy v kul'tovykh slovakh [Uppercase and lowercase letters in the words of cult]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1, 49–57. (In Russ.).
- Polyakov, A. S. (2016). K voprosu o sodержanii ponyatiya “etnonim” [Revising the content of concept “Ethnonym”]. *Byulleten' Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University], 4, 125–129. (In Russ.).
- Relić, M. (2009). O nacionalnom imenu i preimenovanju jezika Bošnjaka/Muslimana. (Srpski jezik kao bosanski u Prizrenko-šarplaninskoj oblasti) [About national name and renaming of Bosniak/Muslim language. (Serbian language as Bosnian in Prizren-Sharplanina region)]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies], 75, 39–52. (In Serb.).

- Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [Common theory of proper name]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Russian language field of onomastics and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd : Peremena. (In Russ.).
- Shmelyov, A. D. (2020). Kodifikatsiya russkoy orfografii i napisanie sobstvennykh imyon lyudey s propisnoy bukvy – est' li problema? [Codification of the Russian orthography and capitalization of personal proper names: Is there any problem?]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 4, 42–53. (In Russ.).
- Shcherbak, A. S. (2008). *Regional'naya onomastika v kognitivnom aspekte* [Regional onomastics in cognitive aspect]. Tambov : Tambov State University named for G. R. Derzhavin Press ; Press-centre, LLC. (In Russ.).
- Dimitrova, B. (2001). Bosniak or Muslim? Dilemma of one Nation with two Names. *Southeast European Politics*, II, 2, 94–108.
- Gardiner, A. (1957). *The Theory of Proper Names. A Controversial Essay*. London ; New York ; Toronto : Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 27.01.2023.
The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 27.01.2023.